

УДК 82-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.046

ФИЛОСОФСКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ЭПОС М. ВОЛОШИНА КАК «ВНУТРЕННЕЕ ЗРЕНИЕ ДУХА»

С. М. Пинаев

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Словосочетанием «философский эпос» (или научно-философский эпос) характеризуют обычно книгу поэм М. А. Волошина «Путями Каина». Хотя, по большому счёту, это определение (можно было бы сказать: лирико-философский или философско-эзотерический) относится ко всему поэтическому творчеству художника. В статье рассматривается книга поэм М.А. Волошина в историко-культурном контексте. **Ключевые слова:** «Путями Каина», эзотерика, античный эпос, мифологическое время, анамнезис.

Книга «Путями Каина» Максимилиана Волошина представляет собой историософское и культурологическое исследование цивилизации, в котором, по словам поэта, сформулированы все его «социальные идеи, большею частью отрицательные» [2, с. 748]. Но мало этого... Не удовлетворяясь констатацией «трагедии материальной культуры» (подзаголовок книги) на земле, Волошин, как истинный «путник по вселенным», пронизывает взглядом космос и указывает перспективы развития мироздания.

Основная работа над книгой (поэмой, циклом) велась в 1922–1923 гг. Однако магистральные идеи этого произведения сложились у Волошина значительно раньше – в 1904–1907 гг. В период Первой мировой войны им были написаны стихотворения «Левиафан» (1915) и «Суд» (1915), в конечной редакции завершающие весь цикл. Книга «Путями Каина» существовала в творческом воображении как постоянно обновляющееся, идейно пульсирующее эстетическое целое. 1 мая 1922 г. поэт писал матери: «Моя поэма страшно сложна и сконцентрирована: всё надо целиком держать в уме, пока не сведены своды» [Там же, с. 479]. Можно сказать, что под «сводами» книги заключены не только её отдельные самостоятельные части, главы, но и философско-эзотерические произведения Волошина разных лет, весь «круг мыслей, обычно не затрагиваемых поэзией» [Там же, с. 748].

Э. Ф. Голлербах сравнивал М. А. Волошина с Силеном. По всей вероятности, известный искусствовед имел в виду мудрое лесное божество – Силена, который в 6-ой эклоге «Буколик» Вергилия излагает эпикурейское учение и рисует картины рождения мира. «Силеном антично-

© Пинаев С. М., 2023

сти... выказывается в своей поэме Волошин» [3, с. 358], – отмечают и авторы-составители парижского двухтомника сочинений поэта. О воздействии древнегреческой философии на творчество Волошина говорилось и писалось немало. В данном случае важно подчеркнуть влияние античного философского эпоса. Волошин воспринимает традиции этого жанра как истый Силен: глубинные научно-философские истины он выражает с едва заметной усмешкой. «Общий тон – иронический», – пишет он по поводу своей книги А.М. Пешковскому 23 декабря 1923 года [2, с. 748].

Античный философский эпос является разновидностью греческой дидактической поэзии; одним из первых её образцов можно считать поэмы Гесиода (конец VIII – начало VII вв. до н.э.). Важной особенностью античного философского эпоса можно считать органический синтез мифологической образности и современных данной эпохе научных знаний. Так и Волошин, как явствует из письма Пешковскому, в главе «Космос» стремится показать «эволюцию космогоний от Каббалы до “теории Относительности” (вернее, до новой физики)» [Там же, с. 748]. Первая философская школа возникла, как известно, на ионийском побережье Средиземного моря в г. Милете (конец VII – начало VI вв. до н.э.). От первых ионийских философов (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр) вошло в обиход само понятие «*physis*» (природа), включающая в себя всё многообразие материального мира.

Крупнейшим представителем древнегреческого философского эпоса по праву считают Эмпедокла (ок. 490–430), создателя разнообразных по тематике и жанру произведений, в том числе двух философских поэм – «О природе» и «Очищения». В первой из них поэт-философ излагает свою концепцию мироздания. Он говорит о четырёх стихиях (огонь, земля, вода и воздух), представленных четырьмя богами (Зевс, Гера, Нестис и Гадес). Развитие мироздания обусловлено взаимодействием «мужских» (огонь, воздух) и «женских» (вода, земля) начал. Различные сочетания этих элементов порождают многообразие природы, которая, благодаря «божественным» наполнениям, воспринимается не как бездушная реальность, но как живое, одухотворённое целое.

Обострённое ощущение четырёх составляющих мироздание стихий, божественных и животворящих, было присуще и родившемуся в конце XIX века М. Волошину. Программные в этом отношении строки встречаются уже в стихотворении «Письмо» (1904): «Стихии мира: Воздух, Воды, / И Мать-Земля и Царь-Огонь!..» (В позднем стихотворении 1924 г.: «Солнце... вода... облака... огонь... / Всё, что есть прекрасного в мире...»). Весь окружающий поэта мир – это «мечты» (пусть иногда и «окаменелые») «безмолвно грезящей природы». Более того, он как бы вбирает эти начала в себя («Во мне зеркальность тихих вод, / Моя душа как небо звездна...»). Сливаясь с природой, поэт вместе с тем ощущает

себя «божественным и вечным» («Я духом Бог, я телом конь»). Однако в процессе работы над книгой «Путями Каина» Волошин рассматривает эту тему уже под другим углом зрения. Одно из преступлений человека состоит, по мнению поэта, в том, что он возомнил себя «единственным владыкою стихий», нарушил незримый баланс между «духами стихий» и собой, «расчислив», «обезбожил» природу и, подчинив её машине, высвободил губительные страсти «ундин и саламандр», то есть тех же духов природы.

Пожалуй, самое большое влияние на Волошина оказала поэма Лукреция Кара (98–54 гг.) «О природе вещей». Римский поэт «подсказал» поэту русскому, как можно в рамках одного произведения объять необъятное: дать философскую концепцию истории и сатиру на современное общество, окинуть взглядом картину космоса и выявить природу атома, задуматься о механизме ощущений, о душе и Духе. Сам Лукреций во многом опирался на Эпикура, который, помимо проповеди мудрого созерцания, гармонического наслаждения и возвышенной безмятежности, открывал своим слушателям тайны вселенной, развивая положения атомистической философии Демокрита. Волошин, возможно интуитивно, воспринял основной пафос, сближающий учение Эпикура с поэмой Лукреция: знание законов, управляющих миром, даёт человеку ощущение внутренней гармонии, освобождает от религиозно-политических догм и суеверий, способствует осознанию себя «вселенной и творцом». Сознательно или подсознательно была усвоена Волошиным и двоякая природа жанра: «Образная мысль, составляющая основу философского эпоса, расслаивается на художественный образ и философскую мысль, первый становится достоянием только поэзии, вторая целиком отходит к философской теории» [7, с. 22].

Творческая судьба Лукреция не может не вызвать ассоциации с литературной биографией Волошина в контексте эпохи: философско-поэтическая деятельность того и другого приходится на период смуты и гражданских войн. Лукреций был, пожалуй, самым крупным из поэтов-мыслителей, которые противопоставили усобице философско-просветительские идеи, «воспоминание» о золотом веке, когда «...не губила вокруг под знамёнами тысяч народа / Битва лишь за день один...». История человечества, в представлении Лукреция, направляется двумя импульсами, которые олицетворяют Венера и Марс, сквозные символы произведения. Жестокость и неразумие современников смягчаются, поэтически «разоружаются» «великими членами мира», универсальной триадой: небо – море – земля. «Великие члены мира», с одной стороны, воспринимаются как воплощения трёх основных состояний материи (газообразного, жидкого и твёрдого), с другой – «возвышают» адресата поэмы над людской суетой. «Прежде всего, посмотри на моря ты, на земли и небо...», – обращается поэт к своему слушателю Меммию. «Ветшают дни, проходит

человек, / Но небо и земля извечно те же...» – словно бы откликается ему из XX столетия создатель «Дома поэта»

Эти строки были написаны в 1926 году. А вот стихи 1902 г.: «И мир как море пред зарёю, / И я иду по лону вод, / И подо мной и надо мною / Трепещет звёздный небосвод». Уже здесь мы находим истоки лирико-философского эпоса М.А. Волошина. В этом четверостишии, заставке к первой книге поэта «Стихотворения. 1900–1910», вызывающем помимо всего прочего библейские ассоциации, лирический герой вовлечён в миф о миротворении, его словно «поглощает» время без границ. В стихотворном «Письме» М.В. Сабашниковой Волошин вызывает со дна тысячелетий «ласкающихся» «у берега вод» ихтиозавров, а самих поэтов уподобляет перешагнувшим через время мудрым и бессмертным кентаврам, в которых заключены «бег планет и мысль земли».

Книга «Путями Каина» не начинается, а продолжает философско-мифологический эпос Волошина. Он пишет А.М. Пешковскому: «“Путями Каина” – это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и Рус<ская> Революция затронуты в ней только стороной» [2, с. 748]. Действительно, Волошину как философу уже не хватает того, что связано исключительно с Россией и её историей. Его интересует человечество как таковое и даже нечто, ему предшествующее: «Вначале был единый Океан, / Дымившийся на раскалённом ложе. / И в этом жарком лоне завязался / Неразрешимый узел жизни: плоть, / Пронзённая дыханьем и биеньем...» («Огонь», 1923).

В первой главе книги («Мятеж») выводится оригинальная концепция становления мироздания путём мятежа. По Волошину, «Мятеж был против Бога, и Бог был мятежом», то есть мятеж против себя самого в доказательство и обеспечение своего бытия. «И всё, что есть, началось чрез мятеж». Ведь, как отмечает А.Ф. Лосев в своей «Диалектике мифа», для того, чтобы «вывести это всё, надо его чему-то противопоставить... надо его чем-то отрицать...», и так как «никого и ничего нет кроме этого всего, то... всё будет само противопоставлять себя себе же» [6, с. 178].

Эволюцию человечества поэт воспринимает как бунт против равновесия вещей. «Мятежник» стремится пересоздать мир и себя, но застревает в «капканах равновесья». К тому же он попадает в плен к собственным иллюзиям. В бунте против материи человеку начинает казаться, что он подчинил себе духов природы, однако в действительности он сам попал в подчинение эльфам и кобольдам, ундинам и саламандрам, освободив «силы / Извечных равновесий вещества». И с этого момента «Бесы пустынь, самумов, ураганов / Ликуют в вихрях взрывов, / Дремлют в минах / И сотрясают моторы машин» («Магия», 1923). Люди убили моральную, божественную сущность вещей. А в «обезбоженной», «расчисленной» природе начинают действовать силы, которые овладевают их

страстями и волей. «Поэтому за каждым новым / Разоблачением природы ждут / Тысячелетья рабства и насилий...»

Таким образом, «мир осязаемых и стойких равновесий», возникший из «вихрей и противоборств», скорее всего, обречён на распад, хотя и сохраняет некоторую надежду на спасение («Мятеж»). У Волошина эта система равновесий (равновесие противоположностей), включающих в себя череду взаимопритяжений и отталкиваний, проявляется в космогонических фантазиях (поэтическая концепция сотворения мира по Каббале – книга Зогар в главе «Космос») и утверждается в историософском восприятии современности. Поэт ощущает, прежде всего, единство движения по времени вперёд и назад. Но такое движение, в сущности, оказывается отсутствием движения. Так ничего не меняется вследствие взаимодействия классов, правящего и углового, которые во время революции, по мнению Волошина, только меняются местами. Ничего не меняется (разве что «знаки и возглавья») и тогда, когда современность неожиданно «наплывает» на, казалось бы, ушедшие эпохи, которые вдруг «выныривают» из бездны времён. Возникают ассоциации с философским постулатом Б. П. Вышеславцева, который утверждал, что «история идёт в обе стороны, к началу и концу, что она всегда “архаична” и телеологична, что смысл изучения истории состоит не в созерцании прошлого, а в предвидении будущего...» [4, с. 118]. Вероятно, Волошин согласился бы здесь с понятием телеологичности, заданности истории. Но Вышеславцев, скорее всего, имеет в виду время историческое; в случае же с Волошиным мы имеем дело не столько с историческим, сколько с мифологическим временем.

В мифологическом времени отсутствуют начало и конец; к нему неприменимо понятие линейной протяжённости. У Волошина в первом же программном четверостишии, задающем тон всему творчеству («И мир как море пред зарёю...»), лирический герой «поглощён» мифологическим временем; он как бы «вписан» в вечность. В стихотворном «Письме» поэт характеризует своё мироощущение такими словами: «Но мне понятна беспредельность, / Я в мире знаю только цельность...». В стихотворениях из цикла «Когда время останавливается» (1903–1905) он представляет себя на берегу Океана-Вечности (если воспользоваться словосочетанием Андрея Белого), воспринимающим время, простирающееся в обе стороны, вперёд и назад: «И день и ночь шумит угрюмо, / И день и ночь на берегу / Я бесконечность стерегу / Средь свиста, грохота и шума. // Когда ж зеркальность тишины / Сулит обманную беспечность, / Сквозит двойная бесконечность / Из отражённой глубины». Эта амбивалентность мироощущения, осознание себя в мгновении и вечности, создаёт силовое поле стихов: «Быть заключённым в темнице мгновенья, / Мчатся в потоке струящихся дней...».

Сам временной поток осознаётся в мифологии как нечто цельное («Я в мире знаю только цельность...»), своего рода «ядро», в котором неразделимы причины и следствия. Всё, что совершается в пределах этого «ядра», само для себя и причина, и цель. Именно в таком ключе воспринимает поэт историю России. Петровская эпоха – это и следствие каких-то процессов, и предвосхищение того, что произошло в XX веке. Большевицкая эпоха – это следствие, но она же содержит в себе и цель – возрождение России, обретение «поруганного храма». Да, приход большевиков ознаменовал царство антихриста. Но ведь говорит же Господь в главе «Левиафан»: «Сих косных тел алкание и злоба / Лишь первый шаг к пожарищам любви».

Мифологическое время, как писал А. Ф. Лосев, оборачивается какой-то одной и неподвижной точкой или вечностью, а всё, «что совершается в пределах этой вечности... превращается в нечто неподвижное, то есть в нечто такое, что вечно возвращается к самому себе, вечно вращается в себе самом, находясь целиком в каждой своей точке...» [5, с. 35]. Речь идёт о «нераздельной слитности времени и вечности». Ибо время трактуется в этом плане как «развёрнутая вечность, а вечность есть свёрнутое в одной точке, в одно мгновение время» [Там же, с. 105]. Что, собственно, находит выражение в волошинской поэтической формуле: «Возлюби просторы мгновенья...». В стихах Волошина это «сворачивание» времени, его падение «само на себя» и просто констатируется через самоощущение поэта как частицы времени («Время срывается в вечном паденьи. / С временем падаю в пропасти я...»; в другом месте: «Время как будто опрокинулось...»), и служит основой историсофской концепции, философии замыкания круга.

Из античных философов нельзя не вспомнить в этой связи о Платоне. Думается, что к творчеству Волошина применим известный афоризм древнего мыслителя: время есть подвижный образ вечности, а вечность есть неподвижный образ времени. Эта мифологическая слитность времени и вечности поэтически декларируется уже в стихотворениях из цикла «Когда время останавливается». Вот начало первого из них: «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо. / Вечность лишь изредка блещет зарницами. / Время порывисто дует в лицо. / Годы несутся огромными птицами». В начале четвёртого стихотворения эта мысль вновь претворяется в образы: «По ночам, когда в тумане / Звёзды в небе время ткёт, / Я ловлю разрывы ткани / В вечном кружеве минут...».

Но для Волошина весьма актуально и платоновское учение о познании как припоминании (анамнезис). Ведь всякое проникновение в эпоху лишь тогда плодотворно, когда оно есть внутреннее переживание, подспудное соединение того, что совершается в самой глубине духа познающего, с тем, что было когда-то. Не случайно столь почитаемый Во-

лошиним Поль Клодель говорил о «внутреннем времени» (память есть «внутреннее зрение духа»). Это, в свою очередь, перекликается с положением Лейбница, видевшем в человеке своеобразный фокус восприятия истории, зеркало, которое отражает мир, «полный бесконечности». Это соприкасается с рассуждениями Бердяева о том, что человек заключает в себе великий мир, который может быть в данный момент ещё закрытым, но по мере расширения и просветления сознания внутренне раскрывается: «Этот процесс внутреннего просветления и... углубления должен привести к тому, что... человек прорвётся внутрь, в глубь времён, потому что идти в глубь времён значит идти в глубь самого себя» [1, с. 19]. У Волошина в стихотворении «Подмастерье» находим: «Так, высвобождаясь / От власти малого, беспамятного “я”, / Увидишь ты, что все явления – / Знаки, / По которым ты вспоминаешь самого себя, / И волокно за волокном собираешь / Ткань духа своего, разодранного миром».

В книге «Путями Каина» отразилось именно такое мировосприятие поэта. «Мир познанный есть искаженье мира», – убеждён Волошин. Историю невозможно воспринимать традиционно, «линейно». «Мы ищем лишь удобства вычисления, / А в сущности не знаем ничего... / На вызвездившем небе мы не можем / Различить глазом “завтра” от “вчера”... / Струи времён текут неравномерно: / Пространство – лишь многообразье форм» («Космос»). Нет движения истории. Есть лишь вереница снов. «Явь наших снов земля не истребит...» – такое мировосприятие могло быть присуще только поэту, живущему на земле, овеванной поэзией мифов. Ведь согласно «Метаморфозам» Овидия, божество сна, Гипнос, обитает в киммерийской пещере, из недр которой вытекает родник забвения, дающий начало Лете. «Грядущее – извечный сон корней», – утверждает Волошин. Подобно тому, как воплощается душа человека в новых земных оболочках, так же и «душа истории» постоянно возрождается, меняя свои временные, национальные очертания. «Русский сон», которым «грезит» сейчас Россия, обернётся, если прислушаться к поэту, духовным катарсисом, обретением «поруганного храма» и воскресением.

В своих историософских воззрениях Волошин в значительной степени ориентируется на теорию О. Шпенглера («Закат Европы»), пафос которой сводится к безысходному круговращению истории и неминуемой гибели культуры перед лицом механистическо-потребительской цивилизации. В письме к М. Шагинян от 20 ноября 1923 г. художник заметил, что для него «очень много разверзла» «шпенглеровская идея судьбы-времени» [3, с. 720]. Волошин считал, что в мире идёт непрерывный распад материи, обрекающий его на полное исчезновение и высказывает гениальное предположение, что история человечества пройдёт под знаком «интраатомной» энергии. Спасти человечество и этот «гибнущий мир

распадающегося вещества» может только встречный «зиждательный поток творщей энергии», горение человеческой любви.

М. Волошина на протяжении всей жизни интересовала проблема соотношения духовной и технической сторон прогресса, возможности нравственного возрождения человека, его спасения от самого себя (то есть тёмного, узкоэгоистического начала). Мысли по этому поводу сконцентрированы в поэме «Таноб» (1926). Важную роль играет в ней подразумеваемый эпитаф. Причём, не столько эпитаф, сколько фигура преподобного Иоанна Лествичника, его основной труд «Лествица Райская». В течение сорока лет этот духовный подвижник прожил отшельником у подошвы горы Синая (Волошина, как известно, называли Киммерийским отшельником), какое-то время был настоятелем Синайского монастыря, после чего уединился и предался размышлениям. Его книга «Лествица Райская» в узком смысле слова представляет собой руководство к монашеской жизни; в широком значении это обращение к человечеству с нравственными проповедями, что, по сути дела, уже на новом этапе истории делает и Волошин.

Однако, в отличие от религиозного подвижника VI века, поэт начала века XX не столько наставляет «паству», сколько осуществляет аналитический подход к истории цивилизации, ставит диагноз нынешнего состояния человечества. Беда человека в том, что, подобрав ключи к «запретным тайнам» природы, он «преобразил весь мир, но не себя». В отличие от древних, современный европеец не учитывает «моральной сущности» сил природы. Любая созданная им машина на почве человеческой жадности превращается в демона и поработочает своего создателя («Машина», 1922). Подразумевается каждый, будь он пролетарий или буржуа, «продешевивший дух / За радости комфорта и мещанства».

Где же выход? В главе «Магия» (1923) читаем: «Ступени каждой в области познания / Ответствует такая же ступень / Самоотказа: / Воля вещества / Должна уравновеситься любовью. / И магия: / Искусство подчинять / Духовной воле косную природу». Впрочем, поэт не особенно верит в эти благие перспективы: «Но люди неразумны. Потому / Законы эти вписаны не в книгах, / А выкованы в дулах и клинках, / В орудьях истребления и машинах». Человеческая мораль, отмечает Волошин вслед за М. Метерлинком и П. де Сен-Виктором, всегда считалась только с силой. Выражением её сначала был кулак, потом меч и, наконец, порох, с изобретением которого человечество устремилось к пропасти. Оно обречено стать «желудочным соком» в пищеварении «нескольких осьминогов» промышленности, если не встанет на путь самоограничения своих эгоистических интересов.

М. Волошин скептически относится к государству как таковому. Это «Огромный бронированный желудок, / В котором люди выполняют

роль / Пищеварительных бактерий». Правители и политики, которые в своих личных целях не брезгают «...кровью, / Торговлей трупами / И скупкой нечистот», разлагают общество, плодят потенциальных убийц и мошенников. Отсюда: «Перед преступником / Виновно государство». Да и как иначе, если «Закона нет – есть только принуждение. / Все преступленья создаёт закон. / Преступны те, которым в стаде тесно: / Судить не их, наказывать не вам...» («Бунтовщик», 1923).

Позиция Волошина порождена особенностями революционного времени, когда правящий и уголовный классы в России наглядно продемонстрировали миру тенденцию к взаимозаменяемости. Он был солидарен с Достоевским (и, кстати, со Шпенглером) в оценке западного мира, в котором отсутствует «братское начало», зато начало личностное, «обособляющееся», гипертрофировано. Волошин идёт ещё дальше: «Нет братства в человечестве иного, / Как братство Каина...» По мысли Достоевского, главнейшим назначением русского народа в судьбах всего человечества всегда было и есть сохранение у себя божественного образа Христа «во всей чистоте», с тем чтобы в надлежащее время явить его миру, «потерявшему пути свои». Именно в этом, как считает и Волошин, сущность и предназначение «Славянством затаённого огня: / В нём брезжит солнце завтрашнего дня / И крест его – всемирное служенье» («Европа», 1918).

Единственным мыслимым идеалом для поэта был и оставался «Град Божий», находящийся не только за гранью политики и социологии, но и за гранью времён. Таким образом, и философский эпос Волошина найдёт своё завершение за пределами собственно литературного творчества поэта, когда, по выражению Бердяева, свершится победа вечных начал «над временем и тлением» [1, с. 17].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. Москва: Мысль, 1990. 173 с.
2. Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Москва: Эллис Лак, 2013. 992 с.
3. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. Paris: Ymca-Press, 1984. 592 с.
4. Вышеславцев Б. П. Бессмертие, перевоплощение и воскресение // Переселение душ: проблема бессмертия в оккультизме и христианстве. Paris: Ymca-Press, 1935. С. 109–134.
5. Лосев А. Ф. Античная философия истории. Москва: Наука, 1977. 208 с.
6. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. Москва: Политиздат, 1991. 524 с.
7. Покровская З. А. Античный философский эпос: Лекции по спецкурсу. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 96 с.

**M. VOLOSHIN'S PHILOSOPHICAL AND ESOTERIC EPIC
AS "THE INNER VISION OF THE SPIRIT"**

S. M. Pinaev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The phrase "philosophical epic" (or scientific and philosophical epic) is usually characterized by the book of poems by M.A. Voloshin "The Ways of Cain". Although, by and large, this definition (one could say: lyric-philosophical or philosophical-esoteric) refers to the entire poetic work of the artist. The article examines the book of poems by M.A. Voloshin in the historical and cultural context.

Keywords: *"The Ways of Cain", esotericism, ancient epic, mythological time, anamnesis.*

Об авторе:

ПИНАЕВ Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) e-mail: serpinaev@mail.ru

About the author:

PINAEV Sergey Mikhaylovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (117198 Moscow, Miklukho-Maklay str., 6), e-mail: serpinaev@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.